

Главным идейным вдохновителем проведения в Алтайском крае цикла мероприятий, посвященных 150-летию Николая Рериха, стал востоковед, исследователь культуры русской эмиграции, доктор исторических наук Владимир Росов. Беседа с Владимиром Андреевичем посвящена его биографии и научным интересам

Владимир Росов в Барнауле. 2023. Год Рериха и Гребенщикова.

Фото Кирилла Ботаева

Владимир Андреевич, вы родились в Запорожье. Актуальная территория на сегодня.

Да, родился в Запорожье. И, наверное, только тот человек, который появился на свет и жил там, в полной мере может понять события, в настоящее время кардинально меняющие наш мир. Сейчас мой родной город Запорожье — украинская территория, а когда-то была Россия. Собственно, она всегда остается Россией...

Кто ваши предки?

Мои предки с острова Хортица, запорожские казаки по отцовской линии — они все оттуда. История давняя, восходит к Екатерине II. Когда царица распустила Запорожскую сечь, то многие казаки перебрались в Петербург и стали гвардией императрицы, а часть людей рассеялась по окрестностям. Например, осела в Екатеринославле, который позже, при советской власти, получил имя Днепропетровск. Один из моих предков-казаков возглавлял жандармерию в Екатеринославле. Точно не могу сказать, так ли назывался тогда орган власти по наведению порядка. За службу он получил дворянский титул. У него было два сына, и оба художники. Один писал картины на холсте, другой — резчик по камню. Интересно работают гены: все это через несколько поколений перешло моему отцу. Он, нигде не учась, с детства мог нарисовать все что угодно. Он родился в селе Рождественка, а потом с родителями жил недалеко от того места, на железнодорожной станции Гайчур. Моя сестра тоже прекрасный копиист, в школе на уроках любила срисовывать, помню карандашный портрет Ленина, и тоже нигде специально не училась. Что-то передалось и мне, иногда рисовал по настроению. Стал искусствоведом поневоле, поскольку работаю в музее. Глубинное чувство красоты, идущее от предков, помогает ощутить гармонию, например, делать развеску картин. В каждом новом пространстве получается новая выставка. И то, какой получилась нынешняя выставка картин Николая Рериха и его сына Святослава Рериха в Барнауле, мне даже самому понравилось. Создание экспозиции — тоже настоящее творчество.

А сначала ведь была математика? Вы учились в университете на математическом факультете...

Да, математика. Окончил физико-математический класс общеобразовательной школы № 28 в Запорожье. Она находится в самом центре города, преподавание там было поставлено на высоком уровне. Попал туда по счастливой случайности. В юности я увлеклся астрономией, моим наставником и учителем вне школы был Виктор Михайлович Чернов, председатель Запорожского отделения Всесоюзного Астрономо-геодезического общества. Удивительный человек! Он изучал нестационарные явления на Луне — световые явления, потом выяснилось, что на спутнике происходят вулканические процессы. Если все время смотреть в телескоп на Луну, то обязательно что-то там увидишь, это не мертвая поверхность. На основе наблюдений, которые вел Виктор Михайлович десятки лет, начиная с 1920 годов, известный ученый Николай Александрович Козырев (наверняка все знают о зеркалах Козырева) выступил в печати со статьей о вулканизме на Луне. Это был их совместный труд. Они первыми доказали, что Луна живая. Козырев получил признание именно за эту работу, а Чернов жил далеко в провинции, просто астроном-любитель из Запорожья. Вот так, благодаря увлечению астрономией, я и попал в физматкласс.

Сначала школа, потом университет — и все математика, и вдруг востоковедение. Как это произошло?

Математическое образование у меня неполное, окончил три курса. Математика получилась по инерции. Хотел стать астрономом, дома был телескоп, и мне постоянно хотелось смотреть в небо. Решил поступать учиться в Киевский университет, сдал блестяще физику, одна пятерка на сто абитуриентов, а сочинение провалил. Но это был знак. Год работал почтальоном, готовился и решил поступать в Ленинградский университет. За несколько лет до того моя старшая сестра побывала в Ленинграде и сказала, что это — город мечты. Тогда, конечно, была единая, неделимая страна, и вот провидение сыграло на будущее. Человек волен менять свою судьбу и делать что угодно, но все же происходит выбор свыше. После двух лет учебы в университете стало ясно, что меня волнует философия Востока, а не математика.

С 12 по 15 апреля в Алтайском крае проходили юбилейные мероприятия, посвященные 150-летию русского художника и мыслителя Н.К. Рериха и 140-летию писателя Г.Д. Гребенщикова.

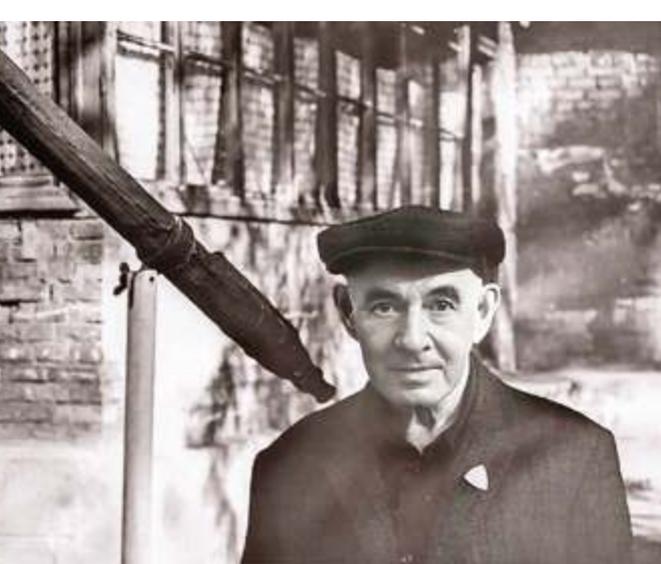
Программу торжественных дней открыла выставка «Кулу — серебряная долина Рерихов», которая специально была разработана для ГХМАК художником Владимиром Анисимовым. В экспозицию вошли более 50 работ мастеров искусства, в разные годы посещавших Индию.

Выставка раритетов, архивных документов и книг «Зов Азии» открылась 13 апреля в одном из залов ГМИЛИКА. Она вызвала огромный интерес барнаульцев. Выставочное помещение напоминало переполненный автобус. Вниманию посетителей предстали более 400 неизвестных ранее предметов — личные вещи, принадлежавшие Рерихам, литературные рукописи Николая Рериха и Георгия Гребенщикова, фотографии, письма, дневники, вырезки из газет, книги. Многие уточняют в биографии Рериха два небольших архива — Владимира Шибаева и Александра Быстрова. Круг общения юбиляров (в большей степени Гребенщикова) обозначают, в частности, представленные в витринах эмигрантские книги Алексея Ремизова, Ивана Шмелёва, Ивана Бунина, Константина Бальмонта, Ивана Новгород-Северского, Марка Алданова, других. По материалам выставки составлен научный каталог, но читается издание как остросюжетный роман.

Столь же востребованными оказались события 14 апреля. На выставку картин Николая и Святослава Рерихов «Ковчег будущего» из собрания Государственного музея Востока выстроилась немаленькая очередь, а в зале Государственной филармонии Алтайского края на концерте «Рерих. Музыка русского мира» был аншлаги. И программа — продуманная, мощная — не подвела.

Праздничные мероприятия завершила научная конференция «Сибирь — страна великого будущего», на которой исследователи, местные и приехавшие из других городов, прочли 20 докладов.

С предложением юбилейных дней Николая Рериха и Георгия Гребенщикова в Алтайском крае выступил доктор исторических наук заведомом «Наследие Рерихов» Государственного музея Востока Владимир Росов. Начиная поддержку Правительство и Министерство культуры Алтайского края. Все мероприятия проведены за счет средств краевого бюджета.

Виктор Михайлович Чернов.
Запорожье. 1969

К ВОСТОКОВЕДИНИЮ ЧЕРЕЗ САМИЗДАТ

Как же возник Восток?

Очень просто. Как всегда в жизни случаются поворотные события. В советское время было популярно общество «Знание». Однажды попал на лекцию доктора медицины Игоря Васильевича Бердюка, который занимался йогой, ставил эксперименты на себе и пытался понять, как это влияет на здоровье пациентов. К тому моменту меня уже увлекала йога, попалась книжка по йоге на украинском языке. Игорь Васильевич взял меня в друзья, точнее, на ассистенты. Мы ездили с лекциями по санаториям, он рассказывал, а я демонстрировал асаны (позы), иллюстрировал его лекции. Индия вошла в мою жизнь со школьной скамьи, сначала как бы бессознательное увлечение. Нужно сказать, общение в студенческой среде строилось на вольнодумстве, мы увлекались самиздатом. Ведь давно известно, русские любят читать запрещенную литературу. Книги перепечатывались на пишущей машинке, вскладчину заказывали копии. Если пять экземпляров заложить в машинку под копирку, получалось недорого, пусть даже бледная копия. Разве это имело какое-то значение?.. Самиздат мы штудировали и ночью, и днем, на лекциях. Книги по восточной религиозной философии — Рамачарака, Вивекананда, Йогананда.

Восточная философия была запрещена?

Нет, философия не запрещена, но так называемая мистическая литература была запрещена. Религия и философия на Востоке тесно переплелись. В 1980 году, когда я окончил восточный факультет и собирался поступать в аспирантуру, то предмета «восточная философия» еще не существовало. Да и курса такого не было. Мне предложили аспирантуру, чтобы в будущем преподавать такой предмет. В обществе зрело понимание, идеологически что-то нужно менять.

Что же преподавали на востоковедении?

Мы изучали историю Индии, языки. Основные языковые предметы — хинди и английский. В течение двух семестров нам давали ознакомительные курсы урду, арабского, санскрита. Считалось, что если тебе это нужно, то дальше ты сам сможешь освоить предмет. Востоковедческое образование очень сильное. Студенты

восточного факультета отличались от других широтой кругозора, своими познаниями, это своего рода элита.

В какой-то момент я потерял интерес к математике, стал другим. Происходили серьезные изменения внутри, душевные поиски, терзания. Решил, будучи учителем на восточном факультете. На индологию группу набирали не каждый год. Пришлось догонять курс историков Индии. Сначала брал индивидуальные уроки, потом сдал экстерном разницу — 12 предметов и пошел сразу на второй курс. Три года математического и четыре восточного, учился 7 лет и наконец получил квалификацию востоковеда-историка.

На занятиях что-то говорилось о Рерихе?

Нет, что вы, упаси бог! Только диалектический материализм. Но я и мои друзья уже начали изучать «Живую этику», или «Агни-йогу», учение, данное через Рерихов. Опять-таки по самиздатским распечаткам, которые приходили с Алтая, от Альфреда Хейдока из Змеиногорска. Мой приятель из Запорожья ездил к Хейдоку несколько раз, фотографировал рижские книги. Сами делали машинописные копии на папиросной бумаге. Очень удобно! Живая этика — это синтез восточных учений и западных философий. С университетским товарищем, математиком Николаем Фотиевым, который теперь, кстати, живет в Горно-Алтайске, читали не только Учение, но и буддийские тексты, помню «Алмазную сутру», прямо на лекциях по диалектическому материализму. Преподаватель говорил: «У меня есть необычные студенты, которые на занятиях спят с открытыми глазами. Такого еще не видел». А мы просто читали и размышляли, погружались в свой внутренний мир. Конечно, со стороны выглядели, как истуканы, со стеклянным взглядом.

КРУГ ВЛЮБЛЕННЫХ В РЕРИХА

Когда вы поняли, что серьезно занимаетесь Рерихом и будете вести эту тему всю жизнь?

Все связано с Ленинградом. Через своего земляка познакомился с Людмилой Степановной Митусовой. Ее отец — Степан Степанович Митусов, музыковед и педагог, двоюродный брат Елены Ивановны Рерих. Дом Людмилы Степановны и ее сестры Татьяны Степановны (обе блокадницы) был своего рода салоном. Здесь люди встречались, общались, знакомились. Практически каждый день собиралось 3–5 человек, приезжали гости даже из других городов. Это был особый мир, связанный с Рерихами. К тому времени, как я оказался там в 1978-м, уже вышел на экраны документальный фильм «Николай Рерих». Вдохновителем и создателем фильма стала режиссер Ренита Андреевна Григорьева. Вся история съемок в Ленинграде прошла на глазах Митусовых, в их доме бывали Святослав Рерих и его супруга Девика Рани. Атмосфера в доме Митусовых была пропитана идеями Рериха. В 1979 году состоялась в Ленинграде замечательная выставка живописных работ Святослава Рериха. Чудесный мир Индии!

Тогда же мне посчастливилось познакомиться с Ренитой Григорьевой. Это был сентябрь 1978 года, столетие Степана Митусова. Через несколько лет, когда я окончил университет, Ренита Андреевна стала моей крестной матерью. Крещение состоялось в древнем городе Ельце, и мы оказались связаны крепкими духовными узами. Ренита Григорьева подружилась со Святославом Рерихом, они выступили инициаторами проведения столетнего юбилея Николая Рериха в Большом театре. Решение принималось на уровне

ЦК КПСС. А благословил это начинание ее духовный отец, ставший и моим духовником, — священник Николай Александрович Овчинников, в схиме Нектарий, который воспитывался по молитвам последнего Оптинского старца, тоже Нектария (Николая Тихонова). Именно отец Николай обратился с письмом к матери Рениты Андреевны, Нине Васильевне Поповой, которая была членом ЦК, деятелем международного масштаба и, между прочим, подругой Индиры Ганди. Вокруг Рениты Григорьевой образовался круг людей, объединенных духовными устремлениями. Крестная привезла меня на Алтай. В 1983 году шли съемки документального фильма о знаменитом ученом Вернадском, создателе учения о биосфере и ноосфере. Съёмочная группа объехала весь Алтай. Мы побывали в Бийске, на Чемале, в селе Анос, в Верхнем Уймоне. С тех пор часто бывал на Алтае, он стал мне родным.

После окончания университета пришлось уехать на Дальний Восток (не было столичной прописки, а значит, и работы), жил в Находке и Владивостоке, преподавал в университете. В 1984 году вернулся в Ленинград, в аспирантуру. Началась научная карьера: Академия наук, музей-усадьба Николая Рериха в Изваре, музей-квартира путешественника Козлова, наконец Государственный музей Востока. Будучи директором музея «Извара», оказался в Нью-Йорке, и все закрутилось. Архивы Гребенщикова — это как раз первая поездка в Америку в 1991 году, из которой я привез коробки с личным архивом Георгия Дмитриевича. Кое-что из них можно увидеть на выставке «Зов Азии», открытой в ГМИИКА.

**Священник о. Николай Овчинников
и Ренита Андреевна Григорьева. Елец. Начало 1970-х**

Не появилось ли в определенный момент удивления, Рерих не только художник, но, как кажется, амбициозный человек, политик?

Человек с амбициями стремится заявить о себе для осуществления собственных личных целей. А есть люди, которые призваны служить обществу, трудиться на общее благо. Разве это амбиции? Рерих жил для общего блага. Конечно, может быть, он хотел определенного положения в обществе, нет, не славы, а того, что помогало бы ему осуществить идеалы. Самые разные идеалы, в том числе проект Пакта об охране культурных ценностей во время войн и вооруженных конфликтов. Имея статус, художник мог общаться с президентами и королями. Вспомним хотя бы его встречи с американским президентом Франклином Рузвельтом, министром сельского хозяйства США Генри Уоллесом, японским военным министром Хаяши. Международный статус появляется у Рериха только потому, что он был движим идеями — во-первых, служения Родине в непростых условиях эмиграции, и, во-вторых, это были идеи возрождения России после большевистского переворота.

Культура Серебряного века оказалась разрушенной, а ее осколки разбросаны по зарубежью, и вся эта масса творческих людей хотела воссоздания прежней культурной жизни. Потому и возникла идея Новой страны и Светлого Града, мировой духовной столицы на Алтае. Рерих, собственно, и занялся воплощением этой мечты в жизнь. Все его экспедиции проводились не только для того, чтобы писать картины, — это сопутствующая творческая работа. Экспедиции были ему нужны, чтобы попасть в Москву, в Монголию и Тибет. У него была целая полифония идей. С одной стороны, он направлялся в Москву на переговоры, чтобы добиться получения концессий на разработку полезных ископаемых в Горном Алтае от имени акционерного общества «Белуха», основанного в Америке в 1924 году. И эти концессии были получены — зона радиусом сто миль вокруг горы Белухи. Далее следовала реализация тех самых идей. Рерих оказался практиком, не только теория, как у наших зарубежных философов — Бердяева, Степуна, Федотова. Посредством экспедиции художник достиг определенных результатов — побывал на Алтае, организовал геологическую разведку по линии Академии наук.

Потом Рерих двинулся в глубины Центральной Азии, через Монголию попал в Тибет. Он стремился в Лхасу. Понимал, что достичь большой цели невозможно только лишь художественными средствами. Нужна была политическая закуска. На первых порах — это идея Священного союза Востока, в котором главенствующую роль играет Азиатская Россия. Рерих хорошо понимал: невозможно объединить народы без идей, люди не пойдут за вождями, если нет цели, нет героя. В Лхасу экспедиция шла под буддийским знаменем, хотя Рерихи православные люди. Но это как платье, пиджак или галстук, бабочка, которые мы надеваем на светские рауты, и тогда тебя воспринимают соответствующим образом. Для встречи с тибетским правителем Далай-ламой XIII у Рериха были припасены парадные одежды ламы, высокого тибетского сановника (их специально сшили в Индии), поскольку Центральная Азия пронизана буддизмом. Ему нужно было соответствовать и внутренне, и внешне образу, который бы помог реализовать поставленные задачи. А цель была очень высокая. Он хотел объединить западных буддистов (это следует из экспедиционных дневников). Но не удалось. Англичане не допустили караван в столицу Тибета.

Священник о. Николай Оечинников у картины Святослава Рериха в запасниках Академии художеств. Москва. 1974

Позже, в 1934 году, состоялась и вторая экспедиция на Дальний Восток, в Северную Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, на повестку дня вышла община, кооператив. Там уже другие акценты — отчасти восточные князья и правители, но Рерих хотел объединить русскую эмиграцию.

Кто бы потерпел еще одного лидера? В этом причина?

Нет, не в этом. Все зависит от конкретной ситуации. Что происходило в 1920 годы в Центральной Азии? Китай полностью потерял свое влияние, сжался до размеров Пекина. Территория Синьцзяна была как бы свободной, с местными царьками, практически не связанными с центром. Внутренняя Монголия — некогда часть великого Китая — оказалась независимой, там восседал князь Дэван; в Кашгаре — мусульманские востания, и Кашгар лишь опосредованно подчинялся столичному Китаю. Харбин — тоже вольница, только в 1932 году Маньчжурию завоевали японцы. Почему они вошли? Потому что все эти территории были бесхозными в политическом отношении. Ситуация благоволила к тому, чтобы объединить народы этих земель, местных правителей, и на значительной территории установить конфедерацию буддийских государств.

Почему же не удалось?

Не удалось, потому что Рериха не пустили в Лхасу, у него не было рычага влияния на эти народы. Если бы он получил право представлять тибетского владыку в западной части буддийского мира, например, имел титул Западного Далай-ламы, тогда бы — да. Но англичане не пропустили экспедиционный караван Рериха к Далай-ламе. Считали, что он советский шпион, поскольку засветился в Москве и встречался с наркомом иностранных дел Чичериным, до того — в Берлине с полпредом Крестинским, в Париже с главой Концессионного комитета СССР Красиным, и даже

с Трилиссером, заместителем Дзержинского. Встречи на самом высоком уровне с руководителями советского государства...

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАДАЧИ

Владимир Андреевич, вы ставите для себя новые задачи в темах Рериха и Гребенщикова? Например, найти новые документы...

Рерих — необъятная историческая фигура, всегда останется нечто, что будет непонятно и не раскрыто. Например, мне удалось поставить научный вопрос о посещении Николаем Рерихом Лхасы в 1924 году. Общепринято считать, художник там не был. Но есть неоспоримые факты, говорящие в пользу того, что он посещал тибетскую столицу как паломник, вместе со своим старшим сыном, востоковедом Юрием Рерихом. Мне удалось реконструировать маршрут их путешествия по картинам, которые написаны в то время. Живописная реконструкция и дает повод думать, что Рерих побывал в заоблачной Лхасе. Есть и другие факты, например, личные записи киевского профессора Вераксо, сделанные после общения с Юрием Рерихом. Но, чтобы совершенно твердо сказать «да», нужно более тщательное изучение этого вопроса. Точно так же обстоит дело с поездкой Рерихов в Горный Алтай. Никто до моего диссертационного исследования и, конечно, книг об экспедиции по Центральной Азии, даже не мог и подумать, будто цели путешествия связаны с геополитикой. Это совершенно новое слово в понимании Рериха.

За которое вам сильно досталось...

Да, по полной программе. Три докторские защиты. За время существования Высшей аттестационной комиссии с 1932 года подобного никогда не было. А сейчас многие придерживаются такой точки зрения. Идея «Новой страны» это само собой разумеется. Рерихом была взята на вооружение концессионная политика. Нужны годы, чтобы люди приняли новый взгляд. Человек очень консервативен и даже близорук. Основные мысли Рериха — Новая страна, Алтай, Звенигород — еще требуют разъяснения. И когда все будет разъяснено и будет принято, не останется сомнений в том, что светлый Звенигород нужно строить. Идея должна овладеть умами людей. Тогда начнется великое строительство будущего.

Вы в течение нескольких лет дарили в ГМИЛИКА документы, счет идет, наверное, на тысячи единиц хранения.

Год за годом. Только в 2017 году, если считать по количеству, около десяти тысяч листов.

Это нужно изучать, издавать...

Сегодня на научной конференции порадовался докладу Елены Владимировны Ярковой из Томского университета, которая сравнивала русские и английские тексты писателя Гребенщикова. Она постоянно пользуется архивом, переданным в ГМИЛИКА. Теперь, в эти юбилейные дни, поступила новая порция документов. Когда-то жители американской Чураевки, уже американцы, отдали бумаги Гребенщикова на русском языке, но долго не отдавали англоязычные рукописи. Прошло 20 лет, и все попало в Россию. И мы видим, что ученые пользуются архивом. Даже мне приходится обращаться к тому архиву, который сам и передал в Барнаул. Так, в прошлом году музей издал книгу «Сибирский путь». Сборник, собранный на основе архивных документов, представляет творчество Гребенщикова на протяжении двух-трех лет, с момента его приезда из Франции в Америку. Сколько написано очерков, пьес, рассказов, а еще письма и дневники за этот период. Временной промежуток небольшой, а в томе 600 страниц.

На сегодняшний день передан в музей почти весь мой архив за исключением небольшого количества рукописей литературных работ Гребенщикова. Они нужны для изучения крымского периода жизни писателя, очень важного и творчески насыщенного, на исходе в эмиграцию.

Написанная мной биография Гребенщикова «Сын Белухи», которая вышла здесь, на Алтае, все-таки не является полной. В ней обзорно дан алтайский период его жизни, раннее творчество, а главное место занимает эмиграция. Но есть и другие интересные периоды жизни Гребенщикова, которые ждут своего часа. Мне, как исследователю, хочется изучить его крымский период, а также становление мировоззрения, связанного с Пушкиным. Не столько любовь к Пушкину до эмиграции, но 1930 годы в Нью-Йорке, где писатель принимал активное участие в работе Пушкинского общества Америки. Общество возникло для подготовки мероприятий, связанных со столетием со дня смерти поэта. В торжествах Гребенщиков играл важную роль. Читал, в частности, лекции от имени Пушкинского общества в разных городах, в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско. Этот вопрос вообще не изучен. Он требует работы с архивом американского Пушкинского общества, который находится в Вашингтоне. Пока туда не добрался.

В Америке остается много интереснейших документов. Взять хотя бы контакты Гребенщикова с писателями Русского зарубежья. Притягивает личность

Георгия Владимировича Голохвастова, создателя полусонета, наследника поэтической традиции, идущей от Лермонтова. Кроме того, он автор произведений, лобопытных с точки зрения философского осмысления. Например, большой поэмы — восемь тысяч строк — «Гибель Атлантиды», изданной в 1938 году. Голохвастов тоже член Пушкинского общества в Америке, тоже блестящий лектор. Изучая подобные темы, мы получаем представление не только об отношениях писателей в зарубежье, но раскрываем всю полноту культурных сил. В эмиграции написана великолепная музыка на произведение «Гибель Атлантиды» Голохвастова. Да и сам знаменитый роман Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче» связан с музыкой, пением. Замысел романа пришел в церкви, под песнопения церковного хора. Лаборатория творчества феноменальна. Об этом нужно знать будущим поколениям, поскольку здесь проявлен дух, а не меркантильность.

Вы могли бы передать документы в какой-нибудь московский музей, но отдали на Алтай. Почему?

Уже говорил, Алтай давно стал родным. Духовно я связан с алтайской землей больше сорока лет. Это — в крови. К тому же мой отец во время Великой Отечественной войны окончил в Барнауле летное училище и отсюда в 1943 году ушел на фронт.

Мне довелось работать во многих зарубежных архивах, встречаться с русскими эмигрантами. И неоднократно я слышал от них рассказы о гибели личных архивов. Часто бесценные бумаги оказывались на помойке. Человек думает, что он будет жить вечно. Это

Владимир Росов. Алтайское село Анос, на родине художника Григория Ивановича Гуркина. 1983

не метафора, а психология. Исследователь и собиратель архивов понимает, как важно оберегать культуру. Георгий Гребенщиков родился на Алтае, все его думы были всегда с Алтаем. Но он упокоился в Америке. Своим наследием, духом писатель должен вернуться на родину. У меня есть мечта — дожить до открытия в Барнауле Центра сибирского зарубежья. Отдельно от Алтая себя уже трудно представить, это часть моей жизни.

Беседовала Лариса Вигандт